

Время Чапского. Часть 2: Писатель. Земля, где не поют птицы | Le temps de Czapski. Partie 2: L'écrivain. Le pays où il n'y a pas d'oiseaux- Le peintre

Автор: Надежда Сикорская, [Lausanne - Лозанна](#) , 09.10.2020.

Photo © NashaGazeta

Мы продолжаем рассказ о творчестве польского художника и писателя Юзефа

Чапского, жизнь которого оказалась связана с Россией. Сейчас речь пойдет о его книге «На бесчеловечной земле», вышедшей на французском языке в лозаннском издательстве Noir sur Blanc.

|

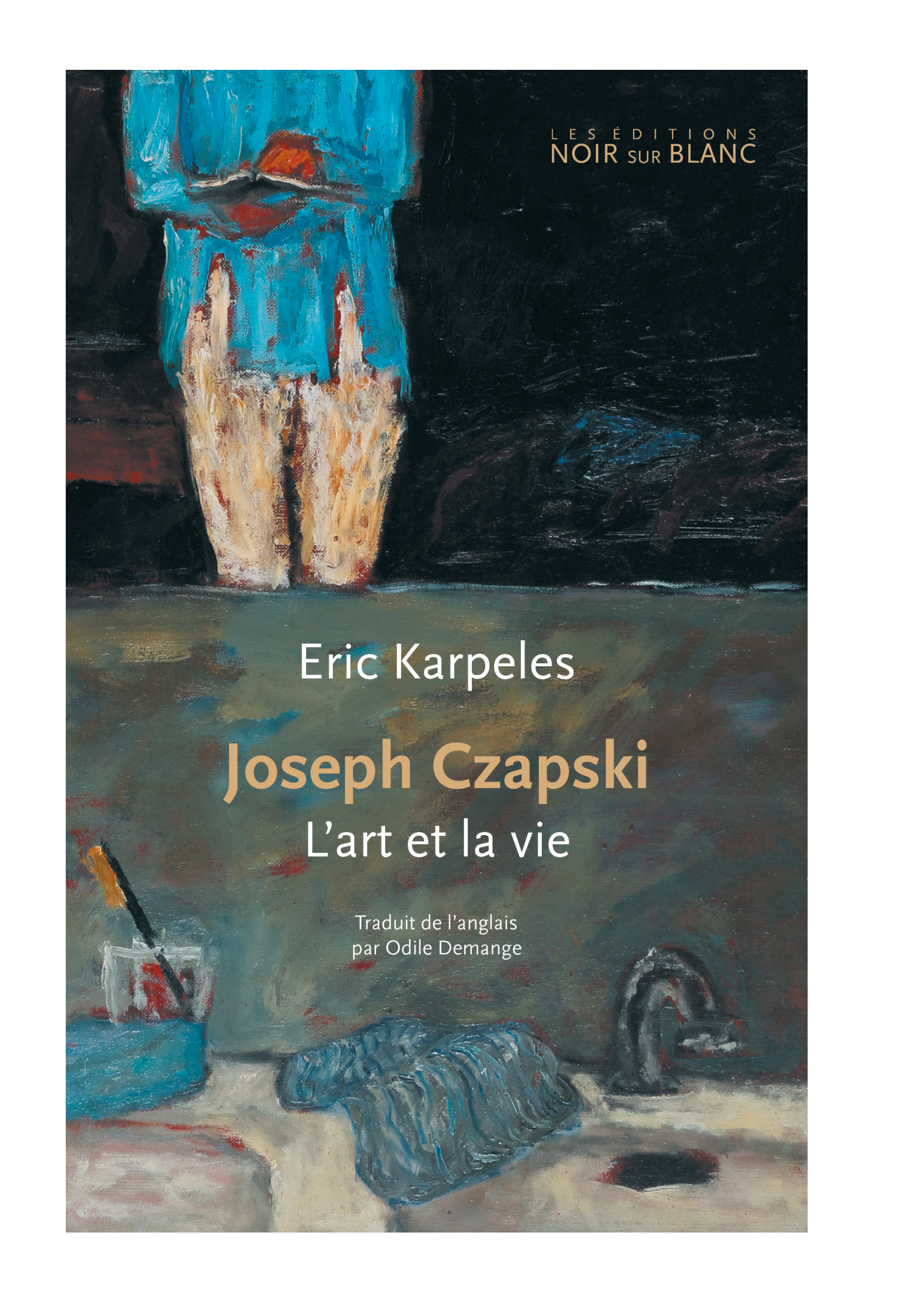
Voici la suite de notre récit sur Józef Czapski, un peintre et écrivain polonais, dont la vie a été étroitement liée avec la Russie. Son livre « Terre inhumaine » vient de paraître dans Les Éditions Noir sur Blanc.

Le temps de Czapski. Partie 2: L'écrivain. Le pays où il n'y a pas d'oiseaux – Le peintre

Первым литературное творчество Юзефа Чапского, как и многих других, представил франкоязычному читателю «издатель от бога» [Владимир Димитриевич](#): два свидетеля эпохи признали друг друга – один опубликовал то, что другой написал. То издание 1986 года давно стало библиографической редкостью, как и в вышедший в 2012 году на русском языке том, в который вошли «Старобельские рассказы» и «На бесчеловечной земле». Не знаем, будет ли переиздан русский перевод, а франкофонам снова повезло – в рамках проекта «[Библиотека Димитрия](#)», о котором Наша Газета подробно рассказывала, книга вновь [увидела свет](#).

Главная ее тема – Катынский расстрел, жертвами которого в общей сложности стали, согласно обнародованным архивным документам, 21 857 человек.

Термин «Катынский расстрел» первоначально использовался в отношении казни польских офицеров в Катынском лесу (Смоленская область). После обнаружения других массовых захоронений польских граждан и рассекречивания советских архивных документов, свидетельствовавших о расстрелах, термины «Катынский расстрел» и «Катынское преступление» стали употреблять также по отношению ко всем проведенным в апреле-мае 1940 года расстрелам польских граждан, содержащихся в разных лагерях НКВД СССР: Козельском, Старобельском, Осташковском, а также в тюрьмах в западных областях Украинской и Белорусской ССР.

An abstract painting with a dark, textured background. On the left, there is a vertical, column-like structure made of thick brushstrokes in shades of blue, white, and ochre. The bottom of the painting features a horizontal band of muted colors (grey, blue, ochre) with some darker, more defined shapes, possibly representing a landscape or a still life. The overall style is expressive and gestural.

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Eric Karpeles

Joseph Czapski

L'art et la vie

Traduit de l'anglais
par Odile Demange

Правда об этом преступлении долго ждала своего часа – в течение десятилетий ответственность за него возлагалась на нацистов. Только в 1990 году руководство СССР официально признало ответственность НКВД СССР, а завершившееся в 2004 году расследование Главной военной прокуратуры России подтвердило вынесение «тройкой НКВД» смертных приговоров 14 542 польским военнопленным по обвинению в совершении государственных преступлений и достоверно установило смерть 1803 человек и личность 22 из них.

26 ноября 2010 года, то есть три года спустя после выхода фильма Анджея Вайды «Катынь», Госдума России приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах», в котором признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни был произведён согласно прямому указанию Сталина и других советских руководителей и является преступлением сталинского режима. В апреле 2012 года Европейский суд по правам человека классифицировал Катынский расстрел как военное преступление.

Одним из участников долгого процесса восстановления правды стал Юзеф Чапский. 1 сентября 1939 года Чапский, как офицер запаса, был призван в польскую армию. 27 сентября под Львовом он попал в плен к частям Красной Армии. Находился в концлагере в Старобельске на Украине, затем в Грязовце Вологодской области. 3 сентября 1941 года, после подписания военного соглашения между советским и польским правительствами, Чапский был освобождён и вскоре вступил в польскую армию под командованием выпущенного из Лубянки генерала Андерса. То есть, отсидев 23 месяца за колючей проволокой за то, что воевал против немцев в составе польской армии – тогда еще был в силу пакт Молотова-Риббентропа, - Чапский был освобожден, чтобы воевать против немцев же, но уже на стороне СССР, из друга Германии превратившегося во врага!

Генерал Андерс назначил его своим уполномоченным по розыску польских офицеров, пропавших на территории СССР. О том, каким образом Чапский пытался выполнить эту достойную Кафки «невозможную миссию», проходя по всем кругам ада советской власти и не зная, что еще в апреле 1940 года почти все его товарищи погибли, он и рассказал в своей биографической книге «На бесчеловечной земле» - о годах, последовавших за освобождением из лагеря, о формировании польской армии и ее походе в Центральную Азию, на Ближний Восток и на итальянский фронт...

JOSEPH
CZAPSKI

TERRE INHUMAINE

Traduit du polonais par Maria Adela Bohomolec
et l'auteur
Préface inédite de Timothy Snyder

Une odyssée exceptionnelle,
racontée par un homme,
un témoin, un esprit
exceptionnel.

 LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Заголовок, который мы дали этой статье, «Земля, где не поют птицы», отсылает читателя и к прекрасной песне Булата Окуджавы – помните, «Здесь птицы не поют, деревья не растут» - из фильма А. Смирнова «Белорусский вокзал», одного из лучших фильмов о войне, и к описанию Колымы в книге Юзефа Чапского: «Колыма – это земля, населенная исключительно заключенными и их надзирателями. <...> Эта земля очень богата медью, золотом, серебром, графитом и углем. Климат здесь особенно суровый. Зима длится десять месяцев в году и здесь совсем нет птиц». (Здесь и далее перевод Н. Сикорской.) Вот такое удивительное совпадение.

Книга «На бесчеловечной земле» была написана в 1949 году на основании дневников, которые Чапски вел в 1941-42 годах. Большая часть ее «действия», если можно так выразиться, проходит на бывшей советской территории, что делает ее особенно интересной для русскоязычного читателя. Не ставя перед собой задачу пересказать содержание – мы искренне надеемся, что вы эту книгу прочитаете, - мы поделимся с вами отдельными впечатлениями и наблюдениями.

В первом нашем материале, посвященном Юзефу Чапскому, мы [рассказали](#), что детство свое он провел в Российской империи, учился в Санкт-Петербурге, прекрасно владел русским языком, а потому все пережитое в СССР он воспринимал не просто как какой-то иностранец, а как человек, знающий русскую культуру и понимающий русский менталитет. Уже из предисловия к новому изданию, написанному профессором истории Йельского университета Тимоти Снайдером, мы узнаем о том, как этот почитатель философии Льва Толстого, услышав, что Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус решили покинуть большевистскую Россию, помог им в начале 1920-х тайно перейти польскую границу.

Повествование Чапского полно отсылок к Толстому, Розанову, Достоевскому, Солженицыну... С особым интересом русскоязычный читатель наверняка будет читать страницы, посвященные встрече автора, в гостях у Алексея Толстого, с Анной Ахматовой и Лидией Чуковской – в 1943 году в Ташкенте. Точных доказательств нет, но специалисты сходятся во мнении, что именно Чапскому в память о той встрече Анна Андреевна посвятила стихотворение «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума».

Как совместились в одном человеке искренняя любовь к России с полным неприятием ее правящего режима? На этот вопрос автор отвечает сам: «Что касается русских, то я не забыл, что перед тем, как воевать против них в составе польской армии в 1920-м, я учился в Санкт-Петербурге, где завязал множество дружеских отношений, никогда не нарушавшихся, щедрых и без трещин; что на меня оказала глубокое влияние великая русская литература.

Я старался наиболее точно излагать факты, но ведь и чувства – те же факты: я не сглаживал их силу, ни нежность мою, ни симпатии. А критики моей, часто желчной, не избежали и мои соотечественники».

Так оно и есть, и именно эта честная попытка восстановления фактов, без каких-то окончательных оценок и выводов, делает книгу и достоверной, и захватывающей. Чего стоит одно оглавление – настоящий учебник лагерной географии!

DU COTÉ DE

intervalles, et que je reconnais à sa voix, à ce très léger strabisme, à cette maigre main, à cette délicate patte de lézard qu'en 1910 il élevait d'un même geste, dans la sombre entrée de sa maison, rue d'Anjou, devant un vieux valet de chambre ébloui, ou lorsque, dans le salon de Mme Alphonse Daudet, il récitait d'un ton maniéré et charmant :

*Mes frères de Paris, notre divin royaume
Rayonne tout autour de la place Vendôme.*

Un Cocteau d'avant Diaghilew, d'avant la découverte de *Paludes* à Offranville chez Jacques-Emile Blanche, d'avant Apollinaire, Max Jacob et Picasso, d'avant l'illumination qui décida de sa gloire.

A ce rond-point où je me trouve arrivé, j'hésite entre mille pistes. Ce n'est pas une

CHEZ PROUST

vie que je raconte. L'existence la plus unie, la moins chargée d'événements, la plus sédentaire est un tissu si serré de circonstances et de passions, tant d'autres destins la traversent, c'est un écheveau si emmêlé, que même fussions-nous dépourvus de toute vergogne, cela ne servirait à rien que de nous résoudre à tout dire.

La jeunesse d'un homme paraît brève sur le plan de l'éternité, mais au microscope cette goutte d'eau décèle un fourmillement comparable à celui des espaces infinis. L'histoire intégrale d'une jeune vie, de ses amours, de ses amitiés, de ses défaillances, de ses crises intellectuelles ou religieuses, offre les vastes proportions de l'histoire des idées et des mœurs à une certaine époque, reflétées dans un seul esprit. Et il ne suffirait pas d'une très longue vieillesse pour en achever l'exposé ni pour en épuiser le drame.

at our college
you are the only one who
knows by name the
names of the
persons in the
class

Photo (c) Nasha Gazeta

Невероятно интересны личный взгляд автора на войну, описания быта заключенных, отличающиеся по стилю и подмеченным деталям от наблюдений А. И. Солженицына, например. Редко встретишь столь откровенные признания в бытовом антисемитизме поляков, часто не мешающего, впрочем, их добрым отношениям с евреями – в советской литературе первым эту горькую тему поднял Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба», первым издателем которого, на русском и французском языках, также был Владимир Димитриевич.

Мурашки бегут по коже, когда читаешь о концерте Льва Оборина в Куйбышеве, где находились в эвакуации многие выдающиеся музыканты и почти весь артистический состав Большого театра, а также более общие рассуждения автора о роли музыки и поэзии в экстремальных ситуациях. Думали, есть среди наших читателей, которые согласятся с ним.

А разве утратил актуальность такой пассаж: «Было бы неточно утверждать, что руководство СССР управляло только с помощью страха. Наоборот, во всех слоях населения находилось определенное число людей, которые его поддерживали в то время не только из страха, но и из абсолютной убежденности и слепой любви <...> При этом, некоторые разговоры, некоторые спонтанные признания открыли мне, что за самым убедительным внешним энтузиазмом скрывались сомнения и боль, связанные с семейными трагедиями». Как полезно было бы тем, кто ратует сегодня за возведение все новых памятников Сталину, прочитать эту книгу!

Книга Юзефа Чапского потрясает спокойствием тона при описании самых страшных событий. Но разве можно ожидать иного от человека, который, находясь зимой 1940–1941 года в заключении в Грязовецком лагере НКВД для военнопленных, читал своим товарищам по несчастью лекции о Прусте, и какие лекции!

Во время круглого стола, состоявшегося после вернисажа выставки работ Юзефа Чапского в Фонде Яна Михальского, прозвучала, полусерьезно-полушутя, мысль о том, что он был святым. Может, и правда?

От редакции: Если вас заинтересовала личность Юзефа Чапского, то очень советуем прочитать его [биографию](#), также вышедшую на французском языке в издательстве Noir sur Blanc.

[писатели в швейцарии](#)

Статьи по теме

[Время Чапского. Часть первая – Художник](#)

[Новая жизнь «Библиотеки Димитрия»](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/vremya-chapskogo-chast-2-pisatel-zemlya-gde-ne-poyut-pticy>